

Вечные? Ценности?

На прошлой неделе удачно пересеклись две передачи: «Культурная революция» и «К барьеру!». На первой два оппонента – режиссер С. Соловьев и театральный художник и историк моды А. Васильев интеллигентно препирались на тему «Существуют ли вечные ценности». На второй не менее вежливо, но более наступательно сражались С. Михалков, ратовавший за введение в школах обучения православия, и писатель В. Ерофеев, который доказывал обратное.

Обычно у В. Соловьева в его «К барьеру!» насмерть схлестываются крикливые невоспитанные политики вроде Анпилова или Жириновского. На этот раз его спорщики даже замолкали, когда говорил оппонент. Ну, а у М. Швыдкого ситуация была и вовсе благостная: С. Соловьев говорил резко, но необходимо, а уж его оппонент, одетый в немислимый костюм-собственного изобретения, и вовсе излучал благожелательство и добродушие.

Но куда важнее было другое сходство: в обоих случаях речь шла о вечных ценностях. В самом деле: то, что мы порой считаем вечным, сплошь и рядом таковым не оказывается. Даже религия, даже любовь за столетия претерпевают такие изменения, что узнать в них то, что за них принимали когда-то, затруднительно. Помните, как у Пушкина деревенская старушка признавалась, что вышла замуж «по страсти»: тятенька так ее «стращал», что пришлось выйти совсем не за того, за кого хотелось... И могут ли быть одни и те же ценности, скажем, у маоистского Китая и гитлеровской Германии? Есть культуры, где ценность человеческой жизни превыше всего; но есть ведь и такие, где люди массово и добровольно садятся за руль грузовика, груженного взрывчаткой, чтобы вместе с собой унести на тот свет как можно больше других людей – в том числе соотечественников и единоверцев. Может быть, тогда самопожертвование и есть такая вечная ценность? Тем более что, по словам С. Соловьева, жизнь Майи Плисецкой и Юрия Башмета – тоже ведь пример принесения своей жизни на алтарь искусства. С искусством все понятно. Но может ли убийство, несущее гибель обществу, быть вечной ценностью этого самого общества?

Моральные оценки мы ведь выносим исходя из собственных, а не из несуществующих общих представлений. А Сергей Соловьев резонно указывал, что сотрудник ГРУ, работающий в чужой стране, – это отважный разведчик, а вот какой-нибудь цэрэушник – уже, простите, подлый шпион. Окончись штурм Зимнего дворца неудачей, его бы называли подавленным мятежом, а не началом великой революции.

Ну, хорошо. Допустим, что высшие ценности преходящи и уж тем более не характерны для всех членов общества поголовно. Как составить их список? Наверно, для этого нужно, чтобы у нас были какие-то «маяки», эти истины воплощающие. Для Михалкова все ясно: на первом месте стоит наш патриарх. По мнению В. Ерофеева, сегодня у нас нет морального идеала, на который хотелось бы равняться, а значит, и вечные истины поистерлись, потускнели, и позолота с них слезла. Спорщики соглашались, что вся русская литература насквозь пропитана православным духом, даже если сами писатели это признавали не всегда. Не только Гоголь, но и Пушкин, и Чехов, и Толстой проповедовали православные истины. Ведь когда-то люди толпами шли к Льву Николаевичу с одним вопросом: как жить? Сегодня идти, увы, не к кому.

И вот в этих условиях нам предлагают во всех школах поголовно ввести курс основ православной культуры. Причем поступают сведения, что на местах вводить этот самый закон поручают... бывшим секретарям первичных парторганизаций. Ну, что же, все естественно: вчера они воспитывали детей на примере Павлика Морозова, а сегодня те же люди, не краснея, будут им прививать евангельскую любовь к родителям. А что? Язык подвешен, Евангелие под рукой...

Ерофеев рассказал о своем знакомом немце, который в детстве обучался в протестантском училище и в результате перестал верить в Бога... По-видимому, не у нас одних эта проблема: вечные истины нельзя навязывать, как картофель при Екатерине, и уж тем более в огромной России. И одним волевым усилием добиться можно только обратного результата.

Так что же, оставить все, как есть? Тоже ведь нельзя, не дает покоя фраза Достоевского: «Если Бога нет, то все позволено». А ведь похоже, что с утратой вечных ценностей у нас уже сегодня «все позволено». Только вот неувязочка: наиболее удобный предмет, через который можно прививать детям моральные ценности, – литература – с каждым годом теряет часы: день ведь не резиновый, а надо обязательно вводить новые предметы – хоть бы те же основы православия.

Только ведь и к литературе много претензий, точнее, не к ней, а к учителям, ее преподающим. Во все школы не пошлешь нашего земляка, знаменитого и любимого детьми М. А. Няньковского. А общий уровень преподавания таков, что дети начинают ненавидеть того же «Онегина». И читать не хотят под дулом автомата. Приводить список книг, не прочитанных моими студентами-культурологами к двадцати годам, я не буду: все равно не поверите. Так то куль-ту-ро-ло-ги. Прочих я боюсь и спрашивать.

А чёго тут удивляться? У нас, говорили на диспуте, самое дешевое образование и самая низкая зарплата у учителей.

И все-таки вечные ценности, конечно же, существуют. Не всем это ясно, не все их исповедуют, но это ценности, и именно вечные. Именно они отличают нас от животных. И, кстати, от нелюдей – фашистов и оголтелых националистов, способных убить человека за «не тот» цвет кожи.

Во все века люди понимали, что необходимо продолжить свой род; Ерофеев с удовольствием процитировал одного ученика, который на просьбу определить смысл жизни написал: «Смысл жизни в самой жизни!». Мальчишка был не особо грамотный, но кое-что понимал лучше иных взрослых.

Вечная ценность – в необходимости обмена информацией, сегодня эта максима стала еще важнее. Вечная ценность в том, что надо хорошо выполнять свою работу. Нравственный человек халтурить не умеет.

Вечная ценность – в том, чтобы уметь жить и радоваться простым вещам, дружбе, семье, надежде. В знаменитой «молитве Оптинских старцев» сказано: «Господи, научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить».

Да, собственно говоря, евангельские заповеди и есть самые главные вечные ценности. Конечно, мы понимаем их порой по-разному, перевираем, искажаем в угоду сиюминутным целям, но так необходимо, чтобы, сбросив старые одежды, эти ценности сохранили непреходящую составляющую.

Вечные ценности наследуются генетически.

Очень важно, чтобы нравственность нам не насаждали насильно сверху, да еще отдельные личности. Вспомним, что Ленин отвергал «буржуазную нравственность», заявляя, что для нас нравственно только то, что полезно для пролетариата. А что для него полезно, решает партия.

Так вот просто.

Владимир ЖЕЛЬВИС,
профессор ЯГПУ им. Ушинского.